

<http://miky1.narod.ru/files/>

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии. - М.: Московский рабочий, 1985. -- С. 141--302.

J'ai pris la plume pour écrire.
Sur qui est a propos de quoi
Je l'ignore
Chateaubriand

Я знаю многое кое-что об нашей литературе, или об наших литераторах, что теперь или не известно, или забыто. Когда мне случалось упоминать в разговоре что-нибудь из прежнего времени, многим казалось это новым. Я не признаю в этом никакого достоинства, потому что обязан этим только моим летам, только тому, что я живу дольше других, что я старше молодых словесников: преимущество не важное! -- Но, желая поделиться с другими моею памятью, я решился записать все мелочи из ее запаса. Прошу и смотреть на это, как на мелочи, и не требовать от меня ни порядка, ни важных сведений. Я и сам еще не знаю, что напишется и с чего начать. Однако ж начнем ab ovo: *Тредьяковский*.

О *Тредьяковском* я слышал мало и никого не встречал, кто бы знал его лично. Он умер в 1768 году, когда дяде моему {Ивану Ивановичу Дмитриеву. (*Прим. автора.*)} было только 9 лет: он не мог знать его. Но я слышал от многих, знавших современников Тредьяковского, между прочим от Платона Петровича Бекетова, что все, что об нем рассказывают, справедливо. Между прочим, и то, что когда при торжественном случае Тредьяковский подносил императрице Анне свою оду, он должен был от самых дверей залы до трона ползти на коленях. Я думаю, хороша была картина! Судя по всем об нем рассказам, кажется, что Лажечников в своем романе *Ледяной дом* изобразил его и его характер очень верно.

Ледяной дом был описан академиком Крафтом и напечатан с приложением гравированного плана и фасада. Все производство постройки, вся внутренность дома и украшения наружные описаны подробно. У меня есть печатный экземпляр этого описания, ныне очень редкого.

Забавы двора всегда замечательны: они, дают меру времени и меру просвещения; а притом очень замечательно, что это производство описывал академик, профессор физики. Он же при Анне Иоанновне занимался астрологиею и составлял гороскоп для Ивана Антоновича. Об этом есть известие в сочинениях А. С. Пушкина.

Ломоносова видал мой дед в Петербурге; но знаком с ним не был. Ломоносов, как ученый, занятый делом, как человек серьезный, а притом не богатый и не дворянского рода, не принадлежал к большому кругу, как Сумароков. Об его характере дед мой отзывался всегда с уважением и рассказывал о его непрерывных ссорах с Сумароковым, оправдывая, однако, Ломоносова. Судя по его словам, Ломоносов был неподатлив на знакомства и не имел нисколько той живости, которою отличался Сумароков и которою тем более надоедал он Ломоносову, что тот был не скор на ответы. Ломоносов был на них иногда довольно резок, но эта резкость сопровождалась грубостью; а Сумароков был дерзок, но остер: выигрыш был на стороне последнего! Иногда, говорил мой дед, их нарочно сводили и приглашали на обеды, особенно тогдашние вельможные тем, чтобы стравить их. Таков был век!

С *Сумароковым* были знакомы, в своей молодости, мой дед и моя бабка. Родной, брат ее -- Никита Афанасьевич *Бекетов*, будучи еще кадетом, представлял на сцене Кадетского корпуса "Семиру" Сумарокова и понравился Елизавете. Несколько времени он был ее любимцем. Потом дед мой, живучи в Петербурге и служа в гвардии, был коротко знаком с Орловыми: все это было еще при Елизавете, прежде их известности. По этим связям и знакомствам ему часто случалось бывать вместе с Сумароковым. Судя по его словам, Сумароков очень, любил блистать умом и говорить остроты, которые нынче, вероятно, не казались бы остротами, и любил умничать, что тогда принималось за ум, а ныне было бы очень скучно; например, однажды за столом у моего деда подали кулебяку. Он, как будто не зная, спросил: "Как называют этот пирог"? -- "Кулебяка"! -- "Кулебяка! -- повторил Сумароков: -- какое грубое название! а ведь вкусна! Вот так-то иной человек по наружности очень груб, а распознай его: найдешь, что приятен!" Замечание очень обыкновенное, которого дед мой, однако, не применял к Сумарокову.

Я сказал, что Н. А. Бекетов был любимцем Елизаветы. Это продолжалось очень недолго, и вот по какому случаю. Молодой -человек, попавший в фавориты, с небольшим двадцати лет от роду, немножко возгордился, начал представлять из себя вельможу и принимать других вельмож и старых придворных в